

Жизнь внутри самого кафе, так же как и жизнь внутри любой кофейни на Макдугал-стрит, разительно отличалась от обыденной действительности. Интерьер и атмосфера были современными и изысканно-скромными. В зале, разгороженном посередине, молодые пары сидели за столами группами от четырех до десяти человек; посетители потягивали вино и пили кофе. Коньяка в русских кафе не подают.

В конце зала оркестр играл джаз. Наше присутствие казалось здесь совершенно неуместным, хотя в действительности вечер был тщательно продуман. Мы сидели за длинным столом и пили белое грузинское вино. Евтушенко был восторженным и радушным хозяином. Он заряжал всех своей энергией, и благодаря ей вечер набрал обороты.

В кафе сидело несколько корреспондентов. Пришли две наши распорядительницы. Был также Мэтлок. Кроме Евтушенко, пришел Эдуардас Межелайтис — литовский поэт, живущий в Москве, который, будучи человеком умеренных взглядов, казался политическим наставником и духовным вожатым более молодых художников.

Через день-два после нашего приезда “Правда” опубликовала его стихотворение в прозе о Фросте “Голубоглазая скала” — так автор любовно именовал почтенного старца. Эта публикация отражала понимание в обществе важности визита Фроста.

Был также Евгений Винокуров — грузный, молчаливый, талантливый молодой поэт. Андрей Вознесенский, круглолицый, большеротый и ясноглазый, возможно самый даровитый представитель поэтической молодежи, иногда садился напротив Фроста, иногда вставал у него за спиной, иногда стоял, прислонившись к стене. Мы образовали шумную группу вокруг нескольких сдвинутых вместе столов.